

III. SKAUDŪS KLAUSIMAI / DRAŽLIWE KWESTIE

Элеонора Лассан

Вильнюсский университет

Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius, Lietuva

Тел.: +370 5 271 11 12

E-mail: eleonora.lassan@ff.vu.lt

Область научных интересов автора: политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, риторика, прагматика, семантика

СКАЗКА – ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК (ОТ МИФОЛОГИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ СОЗНАНИЮ)

В статье рассматриваются русский эпос и русские сказки, повторяющиеся в них образы проецируются на современный политический дискурс. Автор полагает, что анализ фольклорных произведений позволяет выявить архетипы, которые определенным образом влияют на современное политическое мышление России. Автор показывает, как национальные архетипы соотносятся с общекультурными (греческие мифы), с одной стороны, а с другой – имеют национальную модификацию. Так, архетип Героя на русской почве оказывается национально маркированным (обязательно отмечается его «русскость»), как и образ врага, заполняющий архетип Тени. Русский богатырь несет, как правило, государственную службу и остается верен князю, несмотря на несправедливость последнего. Сказочные герои ведут «превентивные войны», благодаря чему становятся победителями. Современный российский политический дискурс наследует, в известной степени ценностные и мировоззренческие аспекты русского эпоса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое сознание, архетип, стремление к героическому.

Цель предпринимаемого исследования заключается в том, чтобы выявить архетипические образы сознания, которые могут мотивировать некоторые особенности российского политического мышления, регулярно воспроизводимые на том или ином этапе истории. В качестве источника архетипов мы рассматриваем русские былины и сказки, чьи первообразы, в свою очередь, могут быть соотнесены с более древним слоем мифологического сознания, запечатленным в древнегреческих мифах. «Мифологическая картина мира, залегающая в много-

слойном пироге ментальности народа, носителя этой ментальности, залегающая в массовом сознании глубже основных механизмов анализа и интерпретации, поэтому обычно не идентифицируется как таковая самими ее носителями» (Чернышов 2010: 349). Присоединяясь к высказанной выше мысли нижегородского исследователя А. В. Чернышова, мы попытались возвести к архетипам некоторые традиции русского политического мышления, не всегда находящие рациональное объяснение, например, удивительное единство российских

граждан в отношении политики современного президента России.

Уточню: под политическим сознанием понимают часть культурного сознания, которое стремится к осмыслению целостного бытия на основе ценностей, соотносимых с интересами государства, политической элиты и т. д. Эти ценности могут колебаться в зависимости от ценностей власти: «политическое сознание не может не быть идеологизированным, оно имеет акцентированное практически-властное значение и выполняет свойственную ей функцию осмысления общества с позиций политической организации и власти» (Slovari On-line.ru). Политическое сознание и производное от него политическое мышление существуют при любом режиме и опираются на определенные стандарты мышления, обычно имеющие архетипическое происхождение – об этом сегодня нередко говорят правоведа и политики (Гуляихин: http://e-notabene.ru/lr/article_10486.html). Архетипы коллективного бессознательного с известной степенью достоверности отражаются в этнической фольклорной традиции. Сегодня существует огромное количество работ, ведущих, возможно, свои истоки от бартовских «Мифологий», которые трактуют политический=медийный дискурс как мифологическое пространство. «Почему, например, профессор математики, по роду своей деятельности не приемлющий двойственности толкований, приходя домой и, включая новости по телевизору, яростно клеймит позором ‘демократов’, или наоборот, ‘консерваторов’, мешающих ‘разумному’, с его точки зрения, переустройству жизни? Дело в том, что в этот самый момент он оказывается вовлеченным в мифологическую реальность – *дискурс*,

ориентиры в котором были заданы им самим на протяжении предыдущей жизни – развернутой во времени и пространстве символической социализации» (Мазиев, Сарафанникова: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2001pdf/LSE2001MazievSarafannikova.pdf>). И шире: «человек не может без стереотипов, которые помогают ему хоть как-то упорядочить многообразие мира в его представлении» (Викентьев 1995: 41). Одним из основных стереотипов, роднящих миф и политическое мышление, является деление «персонажей» мировой сцены на героев и их антиподов – повергаемых героем чудовищ = сил зла. Традиционный герой древних античных мифов – Геракл. Он сразил Немейского льва-людоеда, обезглавил чудовищную Лернейскую гидру, одолел и доставил неповрежденным Эриманфского вепря, выиграв бой с кентаврами. Он усмиряет Критского быка и побеждает трехголового монстра-великана. Геракл находится в постоянном борении. Эту особенность мифа – дихотомическое деление мира на Героев и «драконов», принимающих различное воплощение – наследуют и более поздние фольклорные жанры – былины и сказки. В статье речь идет о русском фольклоре, «богатырском» эпосе. Создается впечатление, что русский эпос, для которого характерны многие моменты гиперболизации возможностей его героических персонажей («Как махнёт Илья прямо – проложит улицу, махнёт налево – переулочек»), насыщен героями-богатырями, сражающимися за родную землю, как никакой другой. Скандинавские и германские героические эпосы, подарившие таких героев, как Беовульф или Зигфрид, акцентируют внимание прежде всего на силе и смелости героя, которая проявляется в борьбе

с чудовищами и драконами (Беовульф – Грендель, Зигфрид – Фарнир), пожирающими людей или опустошающими страну, но им не присущ патриотический настрой героев русских были и сказок. Не вдаваясь в дискуссионные вопросы о поколениях русских богатырей, их классификации (Миллер, Веселовский и др.), ставшие предметом исследования известнейших русских фольклористов и этнографов, отметим их «неисчислимое» количество, различающееся от источника к источнику (от 5 до 20 и более) – это значит, что русская земля фиксируется в фольклорных источниках как земля богатырей.¹

Итак, русский эпос строится на героических подвигах богатырей, сражающихся в одиночку за родную землю. Таковы Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. Илья Муромец сражается против Жидовина-всадника, приехавшего из чужой Жидовской земли (Хазарский каганат?), против Соловья-разбойника, перекрывающего дорогу из северной Руси к Киеву. Алеша Попович и Добрыня Никитич борются против Тугарина, имя которого перекликается с именем половецкого князя Тугаринова, против Змея Горыныча, представляющего опасность для Русской земли (его кровь не впитывается в землю, потому что **русская земля** не хочет ее принимать).

Удивительна живучесть былинных образов. Так, существует непреходящий интерес кинематографистов к Соловью-Разбойнику (мультфильм «Соловей-Разбойник и Илья Муромец» 2007) («Соло-

вей-Разбойник» 2012). Небезынтересна ироническая «народно-криминальная сказка-триллер» «Муромский Илья и Соловей-Разбойник», переиначивающая современную ситуацию в адекватном ей криминально-политическом контексте: так, отец оправляет Илью на большую дорогу грабить «богатую сволочь»: «Что все они татары, сказать я не берусь, но ты иди их грабить – спасать родную Русь» (Вл. Джос). Илья Муромец политизируется применительно к украинским событиям: *А Господа, Илья Муромец был – русский или украинец?* – вопрос на форуме <http://otvet.mail.ru/question/6034923>. Вопрос, очевидно, вызван фактом служения Ильи Муромца киевскому князю Владимиру, и стремлением нейтрализовать память об этом служении является современное предложение поставить памятник князю Владимиру Красное Солнышко на Воробьевых горах, чтобы разрешить вопрос об этнической принадлежности князя.

Вообще обращает на себя внимание то обстоятельство, что в русских былинах и сказках имеет место национальная идентификация противника и обязательное указание на этническую принадлежность богатыря – подчеркивается его русскость. Так, Жидовин, Тугарин, царь Калин своими именами указывают на этническую чуждость русскому духу, воплощенному в богатырях, – автор не может припомнить подобных аналогий в европейском эпосе (в «Песне о Роланде» идет речь о противостоянии мавров и франков, но одним из отрицательных героев является франк Ганелон).

Приведем небольшой отрывок из былины «Илья Муромец и Жидовин», в котором можно увидеть очень многое из традиционной интерпретации Руси, вошедшей, видимо, в «генетическую структуру мозга»:

¹ Интересно, что в других славянских языках это слово неизвестно, кроме польского, в котором оно является заимствованием из русского. Предполагается, что слово «богатырь» в русском языке восточного (тюркского) происхождения, хотя, может быть, самими тюрками заимствовано у азиатских арийцев.

Были там, конечно, и другие богатыри. Стал Илья говорить своим товарищам: «Вот живем мы на Руси, богатыри, и не имеем своего заповедного луга, где без спросу атамана никто не смеет проехать». Выбрали тогда богатыри заповедный луг, где нельзя никому проехать без спросу атамана и без его разрешения. Там были: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Васька Долгополой и Гришка боярский сын. Выбрали они атаманом Илью Муромца, а есаулом – Добрыню Никитича и стали охранять свой заповедный луг.

Здесь и Русь как земля богатырей, и «заповедность» (неприкосновенность и одновременно сакральность) «своего» луга, и наличие вертикали власти: *атаман, есаул* – все это сегодня откликается эхом в современных дискурсах: военно-патриотический мюзикл «Не перевелись богатыри на земле Русской» (<http://festival.1september.ru/articles/613320/>), песня «Богатыри России» со словами «Нам нельзя ни на шаг отступить: Надо Родину-мать защищать! Вся Россия, родная земля, доверяет Богатырям!» (Артем Кочарян), стилизация былины об Илье Муромце под названием «Илья Муромец и евроатлантический выбор», где Илья достает палицу и обращается к крестоносцам, собравшимся при дворе современного киевского князя, давая понять, что уничтожит их одним махом. Примеры можно множить. «Богатырская» идея, как видим, имеет здесь «акцентированное практически-властное значение» и служит насущным потребностям идеологии власти.

В фольклорных источниках можно усмотреть и еще один архетип: русский богатырь освобождает другие народы. Так, в сказке «Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча» Добрыня по приказу

князя Владимира едет на Сорочинскую гору (владения Змея Горыныча) освобождать племянницу князя – в случае невыполнения задания князь грозитя отрубить Добрыне голову. Добрыня исполняет приказ, проникает в пещеры Змея Горыныча. «А там видит людей несметное число с сорока земель, с сорока стран, в два дня не сосчитать. Говорит им Добрынюшка: – Эй же вы, люди иноземные и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену. Стали выходить они на волю, до земли Добрыне кланяться: – Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!»

Таким образом, былинный образ русского богатыря, аналога героев из греческих мифов, укоренен в национальном сознании, становясь инструментом интерпретации действительности как постоянно воспроизводимой борьбы между Россией и ее недругами. «Патриотизации» былинных героев во многом, на мой взгляд, способствовала и картина Васнецова «Три богатыря», где Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович зорко высматривают, не движется ли враг на Русь. Возможно, история Киевской Руси, складывающаяся в условиях необходимости непрерывно отражать набеги врагов (прежде всего с востока), породила образ богатыря-защитника, чтобы вселить надежду на возможность успешного противостояния врагам. Но не есть ли эта надежда на «богатыря» источником патерналистского начала в сознании русского общества? Вряд ли история других государств складывалась иначе, как не через противостояние и войны (правда, возможно, междоусобные), однако именно русский былинный

эпос создает тип богатыря – защитника патриотических ценностей, и в рамках русской фольклорной культуры архетип Героя получает особое наполнение, сказывающееся на всей последующей интерпретации истории, обуславливая потребность в лидере-богатыре, обладающем неограниченными возможностями.

Идея постоянной угрозы, исходящей извне, и возможность противостояния ей благодаря «богатырям», поддерживается и сегодня в различных артефактах культуры: например, плакат-литография Александра Головки с картины Васнецова «Богатырский скак» с изображением русского былинного героя и подписью: *Илья Муромец – реальный герой своего времени. Ко Дню пограничника*. Здесь богатырь с горящим взглядом, сидя на вздыбленном коне, зорко осматривается по сторонам, видимо, осуществляя дозор «заповедного луга». Илья Муромец высматривает «нарушителей границы». И еще один факт на ту же тему. Во Владивостоке решили открыть памятник «первому защитнику границы», для чего требовалась определенная символическая фигура. Изначально красноярского скульптора Константина Зинича попросили придумать и изваять такой памятник. Мастер перерыл массу документов в поисках образа хранителя восточной границы России, но сильной символической фигуры не нашел. Тогда решено было расширить образ – стали искать просто хранителя, истинного русского воина. И им стал Илья Муромец (<http://urokiistorii.ru/324>)². Правда, в одном из пересказов былины об Илье Муромце и Идолище Поганом указывается на весь-

ма парадоксальную ситуацию: «Как-то раз поехал Муромец границы Руси проверять. А во время его отъезда напал на Киев Идолище поганое и захватил город» (<http://fb.ru/article/162292/kakie-podvigisovershil-ilya-muromets-pervyyiy-boy-ili-muromtsa>). Возникает вопрос: какие границы проверял Илья Муромец, если во время его отъезда Идолище поганое, символизирующее «нехристей», «татарщину», напало на Киев? Очевидно, что те, кто пересказывает былину, думают об опасности, идущей только от западных границ страны, но никак не от восточных. (В оригинальных версиях Илья Муромец едет «в чистое поле, в широкое раздолье» пострелять там гусей, лебедей да серых уток.) Как представляется, в пересказе былины сказывается характерная русская мыслительная традиция: видеть зло только на западных границах. Это, с одной стороны, должно противоречить историческому опыту древней Руси, формировавшему национальные архетипы, а с другой – подтверждать влияние вектора «восточной политики», когда, говоря словами Александра Невского, «следует крепить оборону на Западе, а друзей искать на востоке».

Как соотносится мифологическое мышление, базирующееся на архетипах коллективного бессознательного, с современными политическими дискурсами? Интересно, что В. В. Путин иногда сравнивается и с Ильей Муромцем, но делается это, как ни странно, в дискурсе, не симпатизирующем президенту России: «Затем российское общество убедили в том, что сегодня святую Русь-матушку защищает богатырь Путин, как в прошлом защищали Илья Муромец, Суворов или Жуков» (<http://savebest.ru/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE>

² Во Владивостоке ко Дню России установили памятник пограничнику Илье Муромцу. 29 мая 2012 г.

%D1%81%D1%82%D0%B8/putin-ilya-mugomec-xxi-veka.html). В официальных же дискурсах имеет место, скорее, опора на античные мифологические образы, возможно, с неосознаваемой целью вписать действия власти в общекультурный исторический контекст. Демонстрируется основная сущность мифологического сознания – представление мира как борьбы «героя» и «антигероев»:

«Героический ореол российского президента Владимира Путина настолько велик, что просто непонятно, почему греки и римляне не включили его в свою мифологию», – так начинает статью корреспондент «El Mundo» Хавьер Колас. Группа в «Фейсбуке», объединяющая сторонников российского лидера, во вторник поздравила его с днем рождения. Несколько дизайнеров и художников создали картины, отражающие важность «подвигов Путина». По мнению вдохновителей, его деяния сравнимы как минимум с подвигами Геракла, пишет автор. Выставленные работы – «плод потрясающего союза классической мифологии с геополитикой XXI века», считает Колас. Например, «Убийство Лернейской гидры – ответ на санкции». Гвоздь экспозиции – «Укрощение Критского быка – Крым». Есть также «Укрощение стража Аида – пса Цербера – борьба с США» (в испанском оригинале статьи – «война против США». – Прим. ред.). «В ней уподобление собаке используется для напоминания о трениях с президентом Обамой (<http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/vladimir-putin-gerakl-13-11-2014.html>).

Кроме Геракла, востребованным сегодня в русском политическом дискурсе в качестве антагониста Героя является такой мифологический персонаж, как Минотавр – полубык, получеловек, воспринимаемый как чудовище, требующее принесения ему в жертву юношей и девушек и побежденное Тесеем.

Интересно, что имя Тесея, практически осуществившего подвиги, сопоставимые с подвигами Геракла, не используется в дискурсах в качестве прецедентного, а вот побежденное им чудовище пользуется большей популярностью:

Если Моисей вёл свой народ по пустыне под солнцем, то нынешние власти загнобили себя и народ в лабиринт и ведут его во тьме по разным ходам и переходам, и все они – тупиковые. Из этого лабиринта существует только один выход – назад, к русскому миру, в Россию. Но украинские псевдолидеры запугали себя и свой народ тем, что вместо России их там якобы встретит Минотавр в лице Владимира Путина или российской армии.

Отметив прочность античного мифологического слоя в современном политическом сознании, использующем мифологические образы героев и антигероев для изображения борьбы сил, трактуемых как воплощение добра и зла, продолжим рассмотрение архетипических образов на материале русского фольклора. Мировое зло, воплощаемое в европейской мифологии в образах драконов – Минотавра или Фарнира («Кольцо Нибелунгов»), – в былинах предстает в образах врагов Руси, будь то Соловей-Разбойник, Идолище поганое, или царь Калин. Здесь Зло национально идентифицировано, что, как уже говорилось, не характерно для западноевропейского эпоса. Близким аналогом мифологических драконов выступает в русском фольклоре чудо-юдо. С ним борется сказочный герой Иван крестьянский сын, младший из трех братьев, до поры до времени мирно живущих с родителями, неутомимыми тружениками. «Разнеслась вдруг в том царстве-государстве весть: собирается чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истре-

бить». Тогда сыновья собираются в путь и говорят: «Пойдем мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть». Отметим, сыновья реагируют не на реальный набег чудища, а только на известие об этом. Можно сказать, используя современную терминологию, что они решили вести «превентивную войну», или заняться «превентивной обороной» – это выражение было употреблено для объяснения действия «антимайдановцев» в Одессе, когда в 2014 году случилась трагедия со множеством жертв (понимаю, что использованный пример и выражение *превентивная оборона* кому-то может показаться кощунственным в данном контексте, тем не менее я позволю себе его привести)³. Наследуемой из сказки ситуацией является современная реакция на поступающие известия. Напомню: ситуация в Крыму обострилась, поскольку «разносилась весть» о том, что в сторону крымчан движутся поезда с боевиками правого сектора: «24 февраля 2014 г. в ответ на неприятие жителями города Севастополя и Крыма «новой киевской власти» лидеры праворадикальных группировок Украины ... выступили с заявлением о необходимости «покарать» подобные выступления крымчан. В частности, осужденный за терроризм и амнистированный «новой властью» активист организации «Патриот Украины» Игорь Мосийчук предложил сформировать «поезда дружбы» из праворадикальных боевиков-националистов и наказать во-

леизъявление крымского народа» (<http://www.c-inform.info/dossier/id/7>). Далее, опасаясь **возможной** угрозы жизни соотечественников, президент России 1 марта 2014 г. обращается к Совету Федерации с просьбой «об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране» (<http://kremlin.ru/events/president/news/20353>), то есть запрашивает разрешение на «превентивную оборону». Нужно сказать, что превентивную войну Ивана крестьянского сына продолжила не только Россия – в недавнем прошлом нанесение удара по Ираку со стороны США и стран НАТО тоже явилось превентивной войной, которая, согласно международному праву, трактуется неоднозначно, поскольку возможно злоупотребление этим понятием (версии о превентивной войне Германии против СССР).

Однако вернемся к сказке, рассматриваемой в русской школе как средство воспитания патриотизма («Сказка „Иван-крестьянский сын и чудо-юдо“ посвящена борьбе народа с врагами. Она учит чувству ответственности каждого за весь народ», <http://ppt4web.ru/literatura/ivan-krestjanskijj-syn-i-chudojudo.html>) и нередко используемой как прецедентный текст для иронических историко-политических рефлексий. Так, в современной авторской сказке Савелия Закатова «Сказка о Чудо-Юде, силе неверной и добром богатыре Иване» добрый богатырь решил освободить свой народ от «нехристей», которые царя-батюшку из его палат вытолкали, «буйство и пьянство учинили, градом править начали. Первым делом батраков всех поотпустили, землю им роздали, да ярлыками податными обложили». Народ, правда,

³ Из интервью А. Венедиктова на телеканале RTVi 02.05.2015 в годовщину одесской трагедии, когда в Доме профсоюзов заживо сгорели люди: «Антимайдановцы собрались со щитами, в шлемах, с дубинками и пошли на Соборную. Еще раз, внимание: Антимайдан пошел драться с Майданом первыми. Потом они говорили и говорили в следственном отделе, что это была превентивная оборона. Ну, наверное, можно и так называть».

разбогател и лениться начал. И вот тут появился богатырь Иван, который победил Чудо-Юдо, «все воинство неверных изрубил, бояр повесил, детей малых потоптал, камня драгоценные и золото забрал, жен и дочерей Чудо-Юды продал на восток в рабство, его младшего сына четверговал, среднего распял, а старшего на дыбе вздернул. Вот так добрый и славный богатырь Иван совершил подвиг во имя народа». Перед нами – перевертыш традиционной сказки с ее ценностями: при «неверных» жилось лучше, а «освобождение» сопровождалось такой степенью жестокости, перед которой меркнет зло Чудо-Юды.

Сказка или миф о борьбе героя и антигероя есть некий архетип коллективного бессознательного, не зависящий от этнической окраски культуры. Вместе с тем существуют собственно национальные архетипы, и фольклор позволяет предположить, что существует русский архетип героя, осуществляющего превентивные действия по отношению к потенциальному антигерою – врагу родной земли, и, что важно, верно служащего своему «князю». Герой русской былины или сказки «огосударствен», так как действует не в личных интересах (о них вообще не говорится в «героических» сказках), а в интересах своей земли. Он преданно служит князю, несмотря на то, что князь бывает к нему жестоко несправедлив. Так, в былине об Илье Муромце и Калине-царе «Владимир-князь да стольно-киевский/ Поразгневался на старого казака Илью Муромца./ Засадил его во погреб во холодный /Да на три года поры-времени». Спасает Муромца от смерти дочь князя Апракса-королевична – по ее приказу слуги носят в погреб одеяла и яства. Когда же на Киев нападает

Калинцарь, Владимир, узнав от дочки, что Илья Муромец еще жив, «отмыкает ...скоренько погреб да холодный». И богатырь спасает своего князя, приведя к нему Калина-царя и заставив последнего платить дань. Сказанное выше коррелирует с исследованиями архетипов русской культуры, оказывающих влияние на правовое сознание общества: «К основным архетипам русской национальной правовой культуры, определившим развитие российской государственности и правовой системы, следует отнести архетипы порядка, соборности, «Матери-Земли», «центра», «победы добра», «свой – чужой», «патриархальности», «симфонической личности», «героя». На различных уровнях архетипические структуры воспроизводят в тех или иных формах и проявлениях следующие основные элементы развития правовой культуры: <...> целостность территории, ее физическое расширение и духовно-нравственное влияние как факт стабильности и развития российской государственности; симфоническое взаимодействие в системе «личность – общество – государство» и модель государственно-правового служения» (Тюрин 2008: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1294683>)

С точки зрения моральных принципов и правового сознания интерес представляет и другое действие Ивана-крестьянского сына – «разведывательная» деятельность. Победив чудо-юдо, Иван хочет вызнать замыслы семьи чудовища. «Рано утром Иван встал и отправился к чудо-юдовым каменным палатам. Сидят в тех палатах три чудо-юдовы жены да мать, старая змеиха, замышляют, как Ивану отомстить. Послушал их речи Иван-крестьянский сын и вернулся к братьям». Они отправляются в путь и

по пути встречаются колодец, манящий испить холодной воды, яблоню, искушающую своими плодами, и узорчатый ковер, приглашающий отдохнуть на нем. Все это Иван уничтожил, изрубив на мелкие кусочки, и сказал братьям: «И колодец, и яблоня, и ковер – все это чудюдовы жены были. Хотели они нас погубить, да не удалось им: сами погибли!» Какие возможны исторические аналогии с ликвидацией членов семей врагов народа! Автор бы с удовольствием провел их, если бы не опасался упреков в вулгаризации фольклорных источников. И тем не менее, если подобная мысль приходит в голову, то попытаюсь оправдать ее появление: «Мышление состоит не из «того, что пришло в голову»... а из постоянного движения того, что М. Мид и др. назвали означающими символами – главным образом это слова, а также тексты, музыкальные звуки <...> – в общем, что угодно, что вырвано из привычного контекста и используется для придания значения опыту... Пока он [человек] живет, он их использует, иногда преднамеренно и со знанием дела, иногда импульсивно и просто так, но всегда с одной целью: структурировать события, которые он проживает, сориентироваться среди «текущего ряда познаваемых опытным путем предметов» (цит. по: Гусаковский, Ященко, Костюкевич 2004: Электронный ресурс <http://www.bsu.by/Cache/pdf/388903.pdf>).

Итак, сказка об Иване и чудю-юде имеет проекции как в античную мифологию (ретроспективная проекция), так и в политическое мышление будущего. Чудю-юдо есть аналогия лернейской гидры⁴, с которой сражался Геракл – оно

также многоголово, и с каждым новым поединком Иван встречается со все более многоголовым чудю-юдом. Если говорить об использовании образа гидры в политическом дискурсе, то здесь нельзя не вспомнить «гидру капитализма» – расхожее выражение дискурсов сталинского периода. Из Словаря Совдепии: (Мокиенко, Никитина 1988) *буржуазная гидра, гидра контрреволюции, международная гидра капитализма*. Устоявшееся выражение-идеологема используется и сегодня: из выступления на первом митинге 2015 г. первого секретаря Днепропетровского обкома КПУ Сергея Храпова: «Сам этот праздник зародился в логове капитализма США, однако, гидра капитализма сейчас душист своими щупальцами весь земной шар и восстановить мир, как и нашу разрушенную страну, будет чрезвычайно сложно» (http://ruskline.ru/opp/2015/5/01/pevovmaj_v_dnepropetrovske/). Лернейская гидра всплывает в связи с экономической политикой В. В. Путина – именно как второй подвиг Геракла изображены ответные санкции против Запада, принятые президентом России (выставка «12 подвигов Путина», открытая в Москве к 62-летию Президента). Тяга к героическому началу проявляется все же, как говорилось, через обращение к античной мифологии – Иван крестьянский сын «не тянет» на образ полубога, каким был Геракл, равно как и чудю-юдо, даже в силу своего имени («чудю»), не может

⁴ Победа над лернейской гидрой составляет второй подвиг Геракла. Лернейская гидра – это чудю-юдо с телом водяной змеи и девятью головами дракона. Обитала гидра в болоте около города Лер-

ней, где находился вход в подземный мир. Выползая из своего логовища, она уничтожала целые стада и опустошала все окрестности. Борьба с многоголовой гидрой была опасна еще и потому, что одна из голов ее была бессмертна. Геракл заметил, что вместо одной отрубленной головы у гидры вырастает две новые.

состязаться с гидрой. Мне думается, что образ гидры сыграл еще одну роль в политическом мышлении тоталитарного режима: ее отрастающие головы позволяли рассматривать борьбу с врагами социализма как перманентное явление, поскольку с их уничтожением число голов «гидры» должно было возрастать. Отсюда тезис об обострении классовой борьбы по мере приближения к победе социализма. Отсюда же не исчезающее представление о постоянно возрождающемся зле фашизма, идущего с Запада. Ср. названия: «Фашистская Гидра поднимает голову» (<http://comstol.info/2012/01/obshhestvo/3035/>) / Что это за фашистская сила, у которой, как у гидры, отрастает новая голова? (iskorka.spb.ru/index.php...konkursy...fashizma.html/) / Фашистская Гидра Кличко, Меркель, Обама, Яценюк (youtube.com/Video?v=WBT1kLcYF90).

Автор отдает себе отчет, что попытка привлечь античную мифологию и ее проекцию в русский фольклор, а из него как источника этнографических сведений перейти к современному политическому мышлению (в нашем случае российскому) может показаться небесспорной. Автор хотел выявить те архетипические образы, которые мотивируют доминирующий тип политического мышления. Что же удалось спроецировать из прошлого в настоящее (или будущее?) с опорой на фольклорные источники? Представление о Руси как земле богатырей, освобождающих другие народы, тяга к героическому, следующее из нее представление об обязательном существовании «драконов», ибо героическое начало может проявляться только в состязании с ними, патриотизм, понимаемый как борьба за

родную землю и служение властителю, охрана западных границ при небрежении к опасности с востока, «превентивная война» как естественный тип патриотического поведения, представление о неуничтожимости враждебных сил, подобных многоголовому чудовищу. Желание проявить героическое начало, требующее присутствия «драконов», демонстрация этничности богатыря обуславливают, на наш взгляд то, что в России преимущественно любят того правителя, который заявляет о существовании такого чужеземного «дракона» и демонстрирует борьбу с ним. Поэтому страна, как представляется, в целом не принимает Горбачева и Ельцина, пытающихся внедрить в политическое мышление идею об отсутствии внешнего врага.

Думается, многое в современном политическом мышлении не только России, но в данном случае речь идет о ней, можно объяснить, исходя из архетипических образов коллективного бессознательно. «Особое значение архетипы имеют как источники оправдания коллективных поступков, решений, предпочтений. При этом чем больше и разнообразнее общество, тем заметнее на первый план выходят не функциональные, а самодостаточные коллективные смыслы, базирующиеся на архетипах и мифах. <...> – только они значимы для всех граждан, поскольку самодостаточны и универсальны» (Уфимцев: http://www.metaphor.ru/docs/lizard_tail.pdf). Возможен ли отход от архетипов, требующих постоянного борения, возможна ли рационализация смыслов в политическом мышлении общества, покажет время. Если же отход от потребности в этническом богатырском превосходстве не-

возможен, то представляется уместным вспомнить легенду о богатыре Дунае, который, в стремлении проявить богатырскую силу, вступает в единоборство со своей женой-«богатыркой» Настасьей и убивает ее, а затем, обнаружив, что

она была беременна от него, кончает самоубийством⁵.

⁵ Возможно, для литовских читателей представляет интерес тот факт, что согласно былинке Настасья была дочерью литовского короля.

Литература

ГУСАКОВСКИЙ, М. А., ЯЩЕНКО, Л. А., КОСТЮКЕВИЧ, С. В. и др., 2004. *Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе*. Минск: БГУ.

Владимир Путин – Геракл. Режим доступа: <http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/vladimir-putin-gerakl-13-11-2014.html>. [См. 14.05.2015].

МАЗИЕВ, Ю. М., САРАФАННИКОВА, Е. В., on-line. *Мифология политического дискурса в современном информационном пространстве*. Режим доступа: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2001pdf/LSE2001MazievSarafannikova.pdf>. [См. 17.05.2015].

ВИКЕНТЬЕВ, И. Л., 1995. *Приемы рекламы и Public Relations*. Санкт-Петербург: ТОО ТРИЗ-ШАНС.

МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г.,

1998. *Толковый словарь языка Совдепии*. Издательство: Фолио-Пресс.

Сознание политическое. In: *Slovari On-line.ru*. Режим доступа: <http://slovari-online.ru/word/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B> [См. 18.05.2015].

ТЮРИН, М. Г., 2008. *Архетипы национальной правовой культуры*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов.

УФИМЦЕВ, Р., on-line. *Хвост ящерицы: метафизика метафоры*. Режим доступа: http://www.metaphor.ru/docs/lizard_tail.pdf [См. 18.05.2015].

ЧЕРНЫШОВ, А. В., 2010. Архетипы древности в русской культурной традиции. *Философия Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, № 1, с. 349.

Eleonora Lissan

Vilnius University, Lithuania

Research interests: cognitive linguistics, pragmatics, culturology

FROM MYTHICAL THINKING TO POLITICAL THOUGHT

Summary

The article focuses on the Russian epos as well as Russian fairy tales: the images that are frequently there tend to be projected on the contemporary political discourse. The author assumes that the analysis of the folklore stories might allow defining the archetypes, which in a certain manner affect the contemporary political thought in Russia. The

author demonstrates the way in which the national cultural archetypes relate to the common cultural ones (Greek myths), on the one hand, and, on the other hand, contain their specific national modification. Thus, the Hero Archetype in Russian epos appears to be nationally marked (its Russianness is particularly stressed) as well as the image of an enemy, filling in the Shadow Archetype. Russian ‘bogatyр’ is traditionally on a state service and remains faithful to his grand duke, notwithstanding the injustice of the latter. The characters of fairy tales wage “preventive wars” in which they become the winners. The contemporary Russian political discourse inherits, to a certain extent, the value as well as the worldview aspects of the Russian epos.

KEY WORDS: political consciousness, archetype, the desire for heroic.

Gauta 2015 03 15

Priimta publikuoti 2015 07 10